

Это случилось со мной в раннем детстве. Мы жили в Ганцевичах, городском посёлке в полесской глуши. Но глушью Ганцевичи были только для Якуба Коласа, который учительствовал в этих местах до революции и одну из частей трилогии «На ростанях» назвал «В полесской глуши». После войны Ганцевичи преобразились, впрочем, как и весь Советский Союз. На работу в Западную Белоруссию приехали тысячи юношей и девушек, среди которых были и мои мама с папой. Как мне сейчас представляется, для них не существовало невыполнимых задач. Перед глазами лежал огромный мир, в который нужно было войти и взять своё. И они входили и брали.

Отец был бухгалтером, мама пап-спортисткой в милиции. Они поженились, отец вступил в партию, стал главным бухгалтером межколхоз-стройка, и всё было бы хорошо, если бы он не считал, что поступать надо не по указке партии, а по совести. На собрании коммунистов он встал и сказал, что кандидат в депутаты,

присланный из райкома, полное ничтожество — отец употребил другое слово — и надо выбрать того, кого они хорошо знают. Собрание поддержало отца и проголосовало за другого кандидата.

Это был натуральный бунт на корабле, и отца с треском выкинули сначала из партии, потом с работы. К тому времени уже родились мы с сестрой, времена у нас наступили не самые простые. Но я рассказываю не о судьбе молодых коммунистов в послевоенном Союзе. Именно в это нелёгкое время со своей судьбой определился и я. Произошло это в нашем сарае, куда я позвал соседа Ваньку. Он был на год старше меня, а значит, умнее и сильнее.

Я ещё в школу не ходил, но уже читал взрослые книги, и одна из них произвела на меня неизгладимое впечатление. Она была о рыцарях-крестоносцах. Закованные в броню воины потрясли меня до глубины души, и я захотел стать похожим на них. Я нашёл в сарае ржавое ведро и долго пытался проковырять в нём

Алесь Константинович Кожедуб — член Союза писателей России и Беларуси, автор многих книг, лауреат всероссийских премий. Работал в издательстве «Советский писатель», заместителем главного редактора «Литературной газеты», возглавлял белорусское приложение «Лад» к «ЛГ». Живёт в Москве.

дырку для глаз. Однако не было подходящего инструмента, да и руки были не столь сильны. Я подозревал, что в эти руки рановато вкладывать железный двуручный меч. Но меч легко можно было заменить острой палкой, что я и сделал. Иное дело шлем, то есть ведро. Всё-таки, нужно было видеть, куда ты идёшь и с кем воюешь. Я взял ведро и пошёл к соседу Толику Шабанову, старшекласснику. Толик был добрый парень. Не задавая лишних вопросов, он взял зубило и молоток и пробил в ведре кривую дыру.

— Сойдёт? — спросил он.

— Конечно, — сказал я. — Я тебе за это книжку про рыцарей дам почитать.

— Не надо, — отмахнулся Толик. — Воюй так.

Я оттащил ведро назад в сарай и надел на голову. К сожалению, ведро было не совсем шлемом. При желании я мог бы втиснуться в него с плечами, но как тогда действовать мечом? Да, нужно было набирать вес. А я плохо ел. «Ладно, — решил я. — Пока повоюю в ведре». И позвал Ваньку. Но Ванька надевать ведро на голову решительно отказался.

— Это же твой шлем, — сказал он. — Я лучше мечом.

— Меч тоже мой, — сказал я.

— А я его тоже строгал.

Это было правдой, меч мы мастерили вместе.

— Надевай, — сказал Ванька. Мне не понравился его повелительный тон, но я всё-таки надел шлем на го-

лову. Ванька радостно ухмыльнулся, размахнулся и от всей души шараянул мечом по ведру. Из глаз у меня посыпались искры. Но вместе с искрами из головы вылетела и вся дурь, которая там накопилась. Я вдруг понял, что лучше писать о рыцарях, чем ими быть. Испуганный Ванька помог мне снять с головы ведро.

— Живой? — спросил он и дотронулся до шишки, которая, как я чувствовал, стремительно вспухала на макушке.

— Не трогай! — взвыл я. — Мы же играем в рыцарей!

— А ты не сказал, что надо понарошку, — пожал плечами Ванька. — Глянь, меч сломался.

Мы осмотрели оружие. Оно пришло в полную негодность, в отличие, кстати, от ведра.

— В следующий раз надо зимнюю шапку под ведро надеть, — сказал Ванька. «Дудки, — подумал я. — В следующий раз рыцарем будет кто-то другой». И я потихоньку начал писать. Сначала короткие, на полстранички, рассказы, потом длиннее. К восьмому классу я уже был готов к роману. Он назывался «Анты» — о праславянском племени, воевавшем с Византией.

Но «Анты» я писал в Новогрудке, где оканчивал школу имени Адама Мицкевича. Там я уже был вполне состоявшийся автор, не считающий чем-то из ряда вон выходящим завоевание мира. Анты для этого вполне подходили. Они тоже почти завоевали восточно-римскую империю. Отец в Новогрудке пре-

подавал в торгово-экономическом техникуме бухгалтерский учёт, но о Ганцевичах не забывал. Помнила о них и мама.

— Какой же ты был дурак, что уехал из Ганцевичей, — сказала она как-то отцу.

— Так ведь район расформировали! — вытаращил тот глаза. — Некуда было на работу устроиться.

Когда отец спорил, он всегда таращил глаза.

— А Просви́ров остался, — сказала мама. Иногда она становилась невыносимо права. Фёдор Васильевич Просви́ров был друг отца. Они вместе начинали трудовую карьеру в Ганцевичах, Просви́ров председателем райпотребсоюза, отец бухгалтером. Но потом Просви́ров пошёл по журналистской стезе и теперь возглавлял районную газету в Ганцевичах, между прочим, вновь ставших райцентром.

— Такой квартиры, как там, у нас никогда не будет, — вздохнула мама. С этим и отец был согласен. По ганцевическим меркам дом панского подловчего, то есть лесничего, который достался нам пополам с директором школы Сычёвым, был настоящими хоромами. Я уж не говорю про сад. Нашей груше бэре и яблоне медовке завидовали все мои друзья, особенно Ванька. Но в Ганцевичи мы с отцом поехали не за бэрой или медовкой. Отец собрал в стопочку убористо исписанные листы моего романа, уложил их в папку и туго завязал тесёмки. Как истинный бухгалтер, он умел работать с документами.

— Покажем Феде, — сказал отец. — Он тоже писатель.

Я уже понимал разницу между писателем и журналистом, но спорить не стал. Мне и самому хотелось съездить в Ганцевичи. Просви́ров поковырялся в папке с моим романом, что-то прочитал. Похоже, ему не очень понравился мой почерк.

— Молодец, — сказал он. — Пиши дальше. Но писательство дело непростое. Пишущая машинка нужна.

— Машинку мне дадут в техникуме, — заявил отец. — Как раз недавно одну списали.

— Печатает? — спросил Просви́ров.

— Пару букв не пробивает, но завхоз сказал, что исправит. Он у нас мужик с руками.

Меня качество пишущих машинок пока что не волновало. О чём писать — вот в чём вопрос.

— А вы что пишете? — спросил я Просви́рова.

— Повесть закончил... — Фёдор Васильевич оглянулся по сторонам. — Сказать, о чём?

— Конечно, — разрешил я.

— Про экскаваторщика!

Я чуть не сел мимо стула, стоявшего рядом. Экскаваторщик в роли главного героя произведения не мог мне присниться даже в страшном сне.

— Ты слушай, слушай! — вскочил с места Фёдор Васильевич. — Это же не простой экскаваторщик. У нас здесь до войны евреи жили, весь центр посёлка занимали. Потом немцы пришли, гебитскомиссариат, гетто... Часть евреев из гетто сбежали,

остальных расстреляли немцы, и после войны их дома стали сносить.

— Когда это было? — спросил отец.

— Сразу после войны, ещё до того, как ты приехал. Ну, экскаваторщик сломал стену дома, видит, горшок вывернулся. Он вылез из кабины, взял в руки, а там — полный горшок золота!

— Бреешь! — стукнул ладонью по столу отец.

— Вот те крест!

Фёдор Васильевич перекрестился. Между прочим, в отличие от отца, из партии его не выгоняли.

— Вообще-то, у евреев всегда было золото, — сказал отец. — Даже у Калмановича, сам видел.

— Калманович уехал в Свердловск, а тут целый горшок в стене замурован...

Рассказывая, Фёдор Васильевич большими шагами мерил комнату, в которой нас принимал. Это был кабинет с двумя книжными шкафами, письменным столом, кушеткой, креслом и стульями. Я с любопытством смотрел по сторонам. Когда-то и самому придётся вить писательское гнездо. Но для этого нужна как минимум собственная комната. А у нас в Новогрудке — две комнаты на четверых в доме для преподавателей техникума.

— Представляешь, схватил он горшок с золотом, — перебил ход моих мыслей Фёдор Васильевич, — и побежал, не останавливаясь, в Брест!

— Это сколько ж километров? — спросил отец. — Нужно было сесть

в поезд и уехать, хоть в Брест, хоть в Лунинец. А там — ищи ветра в поле.

— Костя, он же головой тронулся! Целый горшок золота!

Просвиров перешёл на крик. Видимо, горшок с золотом повредил что-то и в его голове. Я заложил пальцем правое ухо, оно у меня слышало лучше, чем левое. «Зачем кричать о каком-то горшке? — подумал я. — Анты из Византии золото возами вывозили. Наверное, и рабынь брали. Или у них не было рабства? У ромеев — точно было...»

— Представляешь, до самого Бреста бегом бежал! — снова, подобно варвару, ворвался в стройную фалангу моих мыслей голос Просвирова. — Ни разу не остановился!

— А откуда вы знаете, что он не остановился ни разу? — спросил я. Просвиров и отец с изумлением уставились на меня. Похоже, они забыли о моем присутствии.

— Так ведь горшок золота в руках, — сказал Просвиров. — С этим не останавливаются.

— А я бы на поезде поехал, — сказал отец. — Из Лунинца прямо во Владивосток. А лучше в Сочи.

Он щёлкнул языком. Кажется, Сочи понравились ему больше Владивостока. Мне тоже.

— Костя, какой поезд?! — всплеснул руками Просвиров. — Я в повести так и написал: бежал, не останавливаясь, до самого Бреста!

— Интересно, что он с этим золотом сделал? — посмотрел на меня отец. — Это же еврейское золото.

А оно нашего брата счастливым не делает.

Похоже, повесть Фёдора Васильевича отца абсолютно не занимала. Но он всегда был равнодушен к литературе, из поэтов знал одного Есенина. Под градусом мог прочитать наизусть «Чёрного человека».

— Большая повесть? — спросил я Фёдора Васильевича.

— Девяносто страниц на машинке! — гордо сказал тот. — Полгода одним пальцем клепал.

— Надо было машинистке отдать, — вмешался в наш разговор о литературе отец.

— Это же повесть! — посмотрел на него, как на маленького, Просви́ров. — Тут самому надо.

Я с ним был полностью согласен. Писательский труд священен.

— Жену надо научить печатать, — сказал отец. — Или одну из дочек. Сколько их у тебя?

— Четверо.

«Ничего себе, — подумал я. — Четыре дочки плюс жена. Как ему удаётся писать в таком окружении?»

— А я на работе, — признался Фёдор Васильевич. — Там гораздо спокойнее.

Он вдруг внимательно на меня посмотрел. Мне стало неуютно.

— Валя тоже восемь классов закончила, — сказал Просви́ров. — Надо вас познакомить.

— Конечно, — согласился отец. — Зачем искать топор под лавкой?

«Какой ещё топор? — подумал я. — Отец туп, но этот ещё тупее».

— Валя! — громко позвал Фёдор Васильевич.

— Ушла, — донеслось из-за двери.

«Слава Богу!» — Я чуть не перекрестился.

— Ну, тогда давай по грамульке, — открыл дверцу одного из шкафов Фёдор Васильевич. — Мария, неси закуску!

— Несу, — ответила из-за двери жена. Я понял, что мне пора на улицу. Таким вот макаром я приоткрыл дверь в святая святых и заглянул в щёлочку. Там я увидел стопку чистых листов бумаги, пишущую машинку и неясные очертания машинистки. Она вполне могла быть и хорошенькой девушкой. «Анты, вперёд!» — скомандовал я. Но роман «Анты» так и остался написанным от руки черновиком. Видимо, для его написания на машинке нужно было получить по башке не деревянным, а железным мечом. Однако, как я уже сказал, во второй раз надевать на голову ведро я категорически отказался. Стало быть, и железный меч остался в какой-то другой жизни. Впоследствии я писал рассказы, повести, даже романы, но любимым жанром остался именно рассказ. Тот самый, выскочивший из ведра.